

дом этой страны: дисциплинированным, трудолюбивым, организованным, любознательным. Г.И. Худяков был приглашен на Аляску для консультаций по историко-географическим проблемам этой земли, в Китай – для завершения коллективной работы по геоморфологическому строению Азии. Не хочу далее утомлять перечислением заслуг наших саратовских геологов. Лучше об этом написано в статье В.М. Никольского «Золотой юбилей золотого выпуска», напечатанной в газете «Саратовский университет» №17 за декабрь 2001 года.

УДК 55+929

ВСПОМИНАЯ О БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ МОЖАРОВСКОМ

В.М. Никольский

Саратовский государственный университет

С именем Бориса Александровича Можаровского у меня в значительной степени связан сам выбор профессии геолога. Произошло это в бурные сороковые годы ныне уже прошлого столетия.

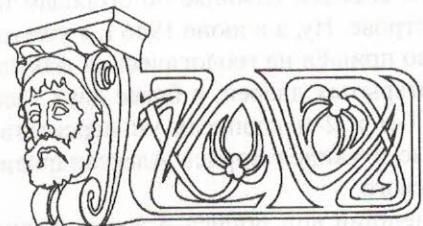
Дело в том, что когда в 1945–1946 годах я учился в девятом и десятом классах 18-й средней школы Саратова и передо мной вплотную встал вопрос о выборе пути жизни, то именно профессия геолога стала в нашем городе очень известной и престижной. Произошло это ещё в грозном 1941 году, когда было открыто крупное Елшанское месторождение газа. Это неожиданное для нас событие вззовновало весь город. Я недоумевал: надо же! Невзрачная, ничем не примечательная степная деревушка, куда летом в 1938–1940 гг. мы ходили в походы из пионерских лагерей на 9-й дачной, с рюкзаками за плечами и ночёвками в колхозном клубе, – и такое необыкновенное открытие! О нем, как о чуде, много писали тогда в газетах, говорили по местному радио и неизменно называли имя профессора Можаровского – заведующего кафедрой исторической геологии и палеонтологии Саратовского государственного университета, как одного из первооткрывателей, а точнее сказать, предсказателя этого месторождения. Конечно, эта необычайная яркая фамилия сразу же запала в детскую память.

Годы были очень суровые. В 1942-м враг стоял у стен Сталинграда. Саратов становится прифронтовым городом, где вводится военное положение. Начинаются бомбёжки города не-

Надеюсь, что Борис Александрович был бы счастлив узнать, что его ученики по всей земле Российской считались одними из лучших.

Думаю, если бы бывшие студенты Бориса Александровича, многие из которых стали известными учеными, собрали все свои исследовательские труды, начало которым положил и Б.А. Можаровский, и сложили их к памятнику учителя, Монблан, пожалуй, не получился бы, но с Соколовой гору набралось.

Вечная память Борису Александровичу Можаровскому.

мецкой авиацией. Мы сидим без света, в холода и голоде. И именно в это время строится газопровод Елшанка–Саратовская ГРЭС. Всего лишь через год после открытия месторождения! Случай уникальный в геологической практике России. Елшанский газ явился настоящим спасением для нашего прифронтового города с его крупной военной промышленностью и почти 700-тысячным населением.

В 1944 году, еще в разгар Великой Отечественной войны, началось строительство первого в Советском Союзе газопровода Саратов–Москва. Это была невиданная по рекордным срокам стройка: 900 км газопровода, в значительной степени вручную, с примитивной техникой того времени, были проложены за два с небольшим года, и в 1946 году саратовский (елшанский) газ пришёл в Москву. О саратовских геологах заговорила вся страна.

Борис Александрович Можаровский был широко образованным геологом, хорошо владел вопросами не только стратиграфии и палеонтологии, но и гидрогеологии и инженерной геологии. Как специалиста его постоянно привлекали в качестве консультанта при проектировании трасс газопровода от Елшанки до СарГРЭС и военных заводов Саратова, а потом и до самой Москвы. В 1946 г. группе саратовских геологов во главе с профессором Б.А. Можаровским была присуждена Сталинская премия первой степени с вручением дипломов и медалей. Характерно, что такую высокую правительственную награду среди геологов получили тогда ещё только мага-

данские геологи за открытие и освоение Колымских месторождений золота. Впоследствии я узнал, что именно эти месторождения золота позволили СССР заключить с США крупное торговое соглашение по поставке вооружения, техники и продовольствия в 1942–1945 гг. по ленд-лизу.

Мой школьный товарищ Николай Шминке привёл меня в 1945 году в ректорат СГУ, где его мама Мария Владимировна работала секретарём у проректора по науке профессора Елпатьевского. Она повела нас на геологический факультет и представила некоторым его преподавателям-соседям Шминке по огородам на Зелёном острове. Ну, а в июне 1946 г. я уже самостоятельно пришёл на геологический факультет, на день открытых дверей, и более двух часов провёл в 1-м и 2-м корпусах университета. Тогда впервые и увидел Бориса Александровича Можаровского.

Внешний вид Бориса Александровича полностью соответствовал моим книжным представлениям о профессуре: массивная голова, высокий лоб мыслителя, внимательные умные глаза, очки в роговой оправе, неторопливая речь и басовитый уверенный голос. Беседа профессора с нами, школьниками, была очень доверительной и интересной. Он рассказал о работе геологов и ответил на наши многочисленные дилетантские вопросы, причём с юмором и задором. Запомнились демонстрируемые его помощниками фотографии, особенно деревоэволюционные, где геологи сидели верхом на лошадях или в подводах, в окружении крестьян в картузах и поддёвках, а также крупные музейные образцы разнообразных горных пород, минералов, руд металлов, фауны и флоры. До сих пор помню великолепных иноцерамов юрского и мелового возраста.

В общем, после встречи и беседы с Борисом Александровичем Можаровским я не задумываясь подал заявление в приёмную комиссию Саратовского государственного университета, сдал экзамены и с 1 сентября 1946 г. был зачислен студентом первого курса геологического отделения геолого-почвенного факультета (так он тогда назывался).

Мы, студенты-первокурсники, особенно внимательно присматривались к профессорам, докторам геолого-минералогических наук. Их было трое на факультете – Г.В. Вахрушев, А.И. Олли и Б.А. Можаровский.

Георгий Васильевич Вахрушев – приветливый, постоянно улыбающийся, благожелательный – был деканом нашего факультета и заведующим кафедрой общей геологии. Он уже на

первом курсе прочитал нам цикл лекций по динамической геологии. Читал превосходно, чем укрепил в нас веру в правильности выбранной профессии.

Альберт Иванович Олли – моложавый, высокий, красивый мужчина с необыкновенным даром речи – был заведующим кафедрой нефти и газа, наиболее крупной на факультете. На его лекции сбегались не только будущие нефтяники-геологи, но и студенты других специальностей.

Конечно, больше всего нас интересовал профессор Можаровский – патриарх геологии факультета, университета, Саратова. Ведь почти все преподаватели нашего факультета и сотрудники многих геологических организаций Саратова были в той или иной степени его учениками. Встречались мы часто, почтительно раскланивались с профессором в коридорах 1- и 2-го корпусов СГУ, на собраниях, митингах, демонстрациях. Наблюдая за Борисом Александровичем вблизи, я заметил, что в интересных разговорах лицо его становилось очень привлекательным и по-детски наивным, лицом думающего и постоянно чем-то восторгающегося человека.

Как заведующий кафедрой исторической геологии и палеонтологии Борис Александрович вел на факультете два курса – «Историческую геологию» для третьекурсников и «Геологию Союза» на четвёртом курсе. Но нашему выпуску геологов в этом плане не повезло: когда мы 1 сентября 1948 г. пришли на занятия как третьекурсники, то нам объявили, что профессор Можаровский сильно болен. Лекции его откладывались, и читать их вскоре начал доцент кафедры, ученик Можаровского, Николай Сергеевич Морозов. Он тщательно готовился к лекциям, говорил доходчиво и понятно, но... по-книжному, в то время как Борис Александрович, по отзывам многочисленных старшекурсников, с которыми мы дружили, читал лекции «нестандартно», часто отрывался от текста на многочисленные примеры из своей многолетней полевой практики, что особенно важно для студентов-геологов.

А вот на заседаниях геологического кружка, постоянно действующего в те годы на факультете, посчастливилось неоднократно общаться с Борисом Александровичем. Запомнились три таких заседания. На одном из них Георгий Васильевич Вахрушев докладывал о своей космогенической гипотезе происхождения Солнечной системы. В конце доклада он сказал, что нашей Земле-матушке не так долго осталось жить (в геологическом летоисчислении). Как звезда она скоро угаснет и прекратит существование. При-

существующий в аудитории Борис Александрович Можаровский сразу же задал своим басовитым голосом вопрос: «Георгий Васильевич! Ну, а нам-то, грешным, куда тогда деваться?» На что Вахрушев ответил: «Я думаю, к тому времени будут построены могучие космические корабли, которые унесут землян на соседние планеты». Смех и оживление в зале.

На другом заседании мы рассматривали вопрос о фациях и фациальном анализе горных пород. Его осветил старший преподаватель кафедры общей геологии, молодой и талантливый учёный Александр Петрович Рождественский. Собственно, это была предварительная защита, «обкатка» его кандидатской диссертации. В последующем я никогда не видел таких громадных – на 1000 страниц – диссертаций.

Держа её в руках, Борис Александрович Можаровский, кафедра которого постоянно соперничала с кафедрой общей геологии, заметил: «Да, весомый труд. Весьма, весьма! Но зачем же так много? Я вот смотрю, – и пролистал ряд страниц, – глава “История геологических исследований” – 200 страниц! Это уже, батенька мой, явный перебор».

Особенно запомнилось заседание, посвящённое гипотезе Вегенера, или теории движения материков, как называли её многие учёные. Был конец октября 1947 года. Прохладно. Мы сидели одетые в 52-й аудитории 1-го корпуса. Основным докладчиком выступал Петр Харitonov, студент пятого курса. Он был отличником учёбы, очень самоуверенным и заносчивым человеком, заядлым спорщиком, противником гипотезы Вегенера. Оппонировал ему сторонник этой гипотезы, доцент кафедры минералогии и петрографии Василий Силантьевич Васильев.

Тогда никто и предположить не мог, что спустя 20–25 лет американские геофизики и геологи поднимут гипотезу Вегенера на щит и поставят её в основу новой глобальной тектоники, или тектоники плит. Гипотеза эта имела мало сторонников, и П.Е. Харitonов чётко и убедительно сказал о многих её недостатках в своём докладе. В.С. Васильев как-то робко и неуверенно возражал ему, говорил тихо и невнятно. В возникшем споре между ними Харitonов дошёл до резкостей и назвал Василия Силантьевича индукционным ослом. Все замерли от неожиданности.

И тут вскочил со своего места Борис Александрович Можаровский (он сидел в соседнем ряду) и, сильно волнуясь, надевая на крупную голову кепку ленинского типа – матерчатую с большим козырьком, сказал: «Извините меня, товарищи, но это уже не дискуссия, а оскорблени-

ние и хамство! Я присутствовать при этом не могу». От негодования у него покраснело не только лицо, но и лысина. Быстрым шагом он вышел из аудитории.

Все были в растерянности, даже председательствовавший на заседании доцент А.А. Корженевский. Исправить создавшееся неловкое положение попытался молодой учёный, аспирант Сергей Краузе, сказавший, что он, как и Харitonов, не является сторонником гипотезы Вегенера, но вести дискуссию в таком духе нельзя, и Петр Елизарович обязан извиниться перед Василием Силантьевичем, что тот и сделал, хотя, как мне показалось, очень неохотно и неуверенно. Заседание кружка было, конечно, испорчено.

Я привёл этот запомнившийся мне эпизод только для того, чтобы сказать о высокой культуре поведения Бориса Александровича, его непримиримости к хамству и всякого рода неуважению к людям. Ведь он был из среды довоенного интеллигентства, воспитывался в высокообразованной дворянской семье попечителя училищ. Этим все сказано.

Летом 1949 года я проходил студенческую практику в Серафимовической геолого-съёмочной партии Донской экспедиции у Сергея Павловича Рыкова. Великолепный геолог и преподаватель, декан геологического факультета в 70-е годы, ученик Бориса Александровича, он хорошо знал всю семью Можаровских, так как они жили по соседству в доме учёных в Саратове. Именно под влиянием своего знаменитого соседа Сергей Павлович и стал геологом. Он восторгался многими дарованиями Бориса Александровича, который хорошо знал литературу, поэзию, отлично музиковал, пел, рисовал, о чём Сергей Павлович рассказывал нам, практикантам-студентам, осенью 1949 года.

На пятом году учёбы в СГУ на нашем факультете был введён новый, дополнительный курс лекций “История геологических знаний в России”. Вести его стал доцент Николай Сергеевич Морозов. Читал ярко и увлечённо. Запомнилась особенно его лекция об академике Алексее Петровиче Павлове – одном из столпов и основателей русской геологии, крупнейшем учёном России в конце XIX и первой четверти XX столетий. В конце лекции Н.С. Морозов сказал: «У академика Павлова было два любимых ученика – Борис Александрович Можаровский и Андрей Дмитриевич Архангельский, причём наш Борис Александрович по своим геологическим представлениям и человеческим качествам был Павлову ближе. А вот судьба распорядилась по-разному: Архангельский стал академиком Академии

наук СССР и директором крупнейшего геологического института АН СССР, а наш Борис Александрович так и остался в Саратове, в университете, на своей родной кафедре исторической геологии и палеонтологии, созданной им...»

Я тогда ёщё, зимой 1951 года, подумал: чья же судьба лучше у этих учеников Павлова? И пришёл к однозначному выводу, что судьба Бориса Александровича Можаровского во всех смыслах привлекательная, завидная, счастливая. Его любили все – и преподаватели, и студенты. Похороны Бориса Александровича, состоявшиеся 16 сентября 1948 года, собрали неимоверное количество народа. Такое людское столпотворение мне приходилось видеть только на похоронах народного артиста России, знаменитого саратовца Ивана Артемьевича Слонова в 1945 году. Но Слонов был известен в Саратове всем, от детей до старииков, как великий актёр драматического театра имени Карла Маркса. За ним толпами ходили поклонники и поклонницы. А здесь – скромный профессор небольшой кафедры, небольшого факультета провинциального университета... Невероятно.

В день похорон мы с моим другом студенческих лет Юрием Мартыновым пришли по раныше во 2-й корпус СГУ, где помещалась кафедра исторической геологии и палеонтологии, и предложили свою помощь Вере Григорьевне Камышевой-Елпатьевской. (В тот год она исполняла обязанности заведующей кафедрой. Вскоре ее утвердили в этой должности, а через 1,5 года она защитила докторскую диссертацию, первым руководителем которой был её учитель и друг Борис Александрович Можаровский.)

Вера Григорьевна попросила нас отправиться в оперный театр с запиской к заместителю директора, который выдал нам большой тюк красной ковровой дорожки. Мы привезли ее в университет и расстелили от входа во 2-й корпус до постамента, на котором был установлен гроб с телом Бориса Александровича Можаровского, утопающий в цветах.

Прощание с покойным было долгим. Выступали представители всех кафедр геологического факультета, других факультетов СГУ, многочисленных геологических и общественных организаций города. Многие плакали.

Похоронная процессия растянулась на несколько кварталов по улице Астраханской. Было остановлено движение транспорта, которое регулировала конная милиция. Гроб с телом Бориса Александровича несли на руках поочерёдно преподаватели и студенты до самого Воскресенского кладбища (не менее пяти километров!). Звучала траурная музыка.

Символично, что могилы знаменитых саратовцев – Слонова и Можаровского – находятся рядом с мемориалом Николая Гавриловича Чернышевского, чье имя носит наш университет. Сейчас здесь целый «пантеон» известных и ушедших из жизни учёных СГУ и других вузов Саратова. По нему можно изучать историю нашего города.

Я часто бываю на Воскресенском кладбище, здесь похоронен мой отец, и прохожу мимо могилы Бориса Александровича, склоняя голову перед ней. В 80–90-е годы она была в запущенном состоянии, но весной 2002-го, благодаря усилиям геологического факультета и НИИ геологии СГУ, могила приведена в идеальный порядок. И это очень трогательно.

Когда я первый раз в 50-е гг. увидел памятник Борису Александровичу, установленный на его могиле, то сказал своему однокурснику и другу Леониду Александровичу Назаркину: «Лёня! Какая красивая ракушка на памятнике Можаровского!» – «Какая ракушка, – ответил он мне, – разуй глаза свои. Это же факел!» – «Какой факел?» – «Ну, газовая горелка там изображена. Ему, как первооткрывателю Елшанского газового месторождения. Понял?»

Я «разул глаза», присмотрелся... Вроде, действительно газовая горелка. И всё же, будь моя воля, я на памятнике Бориса Александровича изобразил бы то, чем он занимался всю свою жизнь: макет геологической карты, стратиграфическую колонку и крупную раковину со всеми её «завитушками».

В последний год своей жизни Борис Александрович Можаровский принял очень важное и дальновидное решение – готовить и выпускать на своей кафедре геологов-палеонтологов, памятую, что палеонтология – основа стратиграфии, а стратиграфия – основа всех остальных геологических наук. Первый набор палеонтологов геологического факультета СГУ был сделан на нашем курсе; желание стать специалистами по палеонтологии выразили семь девушек и двое ребят, наших однокурсников. Все они стали великолепными специалистами своего дела.

И здесь нельзя не сказать о нашем необыкновенном университетском времени. Когда в июне 1951 года мы закончили учёбу на геологическом факультете, то Вера Григорьевна Камышева-Елпатьевская предложила четверым «новоиспечённым» палеонтологам – Антонине Петровой, Людмиле Лысовой, Александре Беловой и Ивану Миронову – остаться работать на её кафедре. И все они отказались от такого лестного предложения, что крайне удивило Веру Григорьевну. Но удивляться было нечему: все мы, будучи ком-

сомольцами, ярыми патриотами, рвались на производство в отдалённые и геологически не исследованные районы любимой Родины. Тося Петрова стала Фрадкиной и уехала с мужем, лучшим студентом нашего выпуска, в Якутию, где 16 лет изучала мезозайские отложения, заведовала палинологической лабораторией и издала крупную монографию по мезозою Якутии; последние 30 лет она является ведущим палинологом по неогену северо-востока России, сотрудницей геологического института СО РАН (г. Новосибирск). Лысова вышла замуж за Ивана Миронова. Людмила более 50 лет занималась обоснованием возраста нижнепалеозойских и допалеозойских отложений иркутского амфитеатра, являясь одним из ведущих палеонтологов крупнейшего треста «Востсибнефтегеология». Ведущим геологом-съёмщиком, одним из руководителей треста стал и Иван Миронов. Александра Белова уже в 1952 году заведовала микропалеонтологической лабораторией Сибирского отделения ВНИГРИ г. Томска, но вместе со

мной уехала ещё дальше, в Хабаровск, где в 1956 г. ей было поручено создание палеонтологического кабинета Дальневосточного геологического управления. В последующие годы Александра Никольская стала ведущим специалистом по фораминиферам верхнего палеозоя, создательницей стратиграфических схем по перми и карбону Дальнего Востока и Нижнего Поволжья.

И это только выпуск палеонтологов СГУ 1946–1951 гг. А сколько их было всего? Более тридцати. В 70–80-е годы выпускники кафедры исторической геологии и палеонтологии нашего факультета составляли основу палеонтологических кабинетов в производственных геологических организациях Камчатки и Сахалина, Магадана и Хабаровска, Иркутска и Якутска, Новосибирска и Тюмени, Свердловска и Перми, Саратова и Ярославля, Волгограда и Астрахани. Их колоссальный труд и громадные достижения в области стратиграфии и палеонтологии и являются главным памятником Борису Александровичу Можаровскому.